

Коммерсант от 2 июня 2008, 1 стр.

«Все равно ему водить»

Французские журналисты раскололи Владимира Путина

На прошлой неделе российский премьер Владимир Путин совершил визит во Францию, во время которого его воспринимали как лидера страны. И добились своего. Специальный корреспондент "Ъ" АНДРЕЙ Ъ-КОЛЕСНИКОВ констатирует: Владимир Путин во Франции заявил, что лидером России будет лидер правящей партии.

Программа, предложенная французами, была составлена так, что этот визит с самого начала был обречен на нечто большее, чем мог позволить себе председатель правительства страны, у которой есть президент. С того момента, как нога российского премьера ступила на французскую землю, ему стали навязывать несвойственную ему уже почти месяц роль. Его принимали так, как его не принимали даже тогда, когда он был президентом. У него точно не было такого количества встреч и переговоров за рекордно короткое время (весь визит занял меньше суток).

Он быстро втянулся в игру, которую ему навязали и его собеседники, и журналисты. Писателю Морису Дрюону в ответ на его признание, что он любит Владимира Путина, российский премьер счел своим долгом сообщить:

— А меня все любят.

Владимир Путин встречался с соотечественниками, с президентом Франции, он дал, наконец, интервью французской газете Le Monde, той самой, чей корреспондент до сих пор не воспользовался дельным, на взгляд Владимира Путина, советом сделать обрезание у высокопрофессиональных российских специалистов.

И в какой-то момент Владимир Путин сломался. Это произошло как раз во время беспрецедентно откровенного интервью газете Le Monde.

Трудно сейчас сказать, чем была вызвана такая откровенность. Может быть, тем, что гримировала его перед сеансом с французскими журналистами, как говорят, собкор "Первого канала" в Париже Жанна Агалакова и это обстоятельство, возможно, расслабило Владимира Путина еще больше (да и кого бы оно не расслабило?).

А скорее всего, Владимира Путина настроили на откровенность сначала тот стопроцентно президентский уровень приема в Париже, а потом вопросы трех французских журналистов, двоих мужчин и одной женщины (типичная для французов комбинация), по всем признакам отменно подготовившихся к встрече с российским премьером.

Причем готовились они долго, так как, например, выучили русский язык. И хотя перевод был синхронный, по их преждевременным, а не запоздалым реакциям было понятно, что они в этом переводе чаще всего не нуждаются.

Первый же вопрос заставил Владимира Путина собрать его премьерскую волю в кулак.

— Ваш ужин с Никола Саркози,— спросили его,— необычен с точки зрения протокола. Подчеркивает ли это некоторую двусмысленность относительно того, кто заведует в России внешней политикой, вы или Дмитрий Медведев?

Французские журналисты предположили, таким образом, покушение на самое святое из того, что есть у президента России,— священный долг и почетную обязанность заниматься внешней политикой. Российский премьер и так занимается, кажется, всем остальным.

— Да,— сказал Владимир Путин,— мы говорили с господином Саркози о международных делах. Я, ваш покорный слуга, занимаюсь прежде всего вопросами экономики и социальной сферы, но как член Совета безопасности России в определенной степени имею, конечно, отношение к тем вопросам, которые мы обсуждали с президентом Франции.

Таким образом, Владимир Путин сформулировал причину, которая оставляет ему право

обсуждать внешнюю политику и публично высказываться по этому поводу. Кто-то думал, что для этого ему придется пойти на какую-то административно-политическую реформу, граничащую чуть ли не с изменением Конституции. Но нет, обошлось. Уже после следующего вопроса французские журналисты убедились, что список полномочий премьера не исчерпывается тем, что он перечислил. Его спросили:

— Сегодняшняя система власти в России — двойная структура. Это временное решение или вы хотите, чтобы в будущем российский премьер стал эквивалентом немецкого канцлера?

Владимир Путин, который, конечно, не хочет работать в должности премьера вечно, ответил, что "Россия — это президентская республика".

— Мы не намерены менять ключевую роль государства в политической системе страны,— добавил Владимир Путин.— Но то, что я возглавил правительство, это, конечно, любопытный факт нашей политической истории. Но может быть, более важным является другое. Более важным является то, что одновременно я возглавил партию, которая занимает лидирующие позиции в политической жизни страны и имеет устойчивое большинство в парламенте... И вот это является основным политическим сигналом.

Эти слова, на мой взгляд, и стали главной политической сенсацией недели. Владимир Путин самостоятельно, проигнорировав усилия политологов, которым на укоренение этой мысли в российском обществе и тем более в мире понадобилось бы гораздо больше времени и страсти, чем ему (да еще и не факт, что получилось бы), затвердил очень простую вещь: лидер партии в России теперь является и лидером России.

Но и на этом Владимир Путин не остановился.

— Когда состоялась передача власти, вы и Медведев говорили о планах России на 10-20 лет. Может ли произойти что-то, что заставит вас уйти со своего поста через один, два или три года? — спросил его пожилой французский журналист, который, видимо, и сам слишком хорошо понимает, что строить планы на 10-20 лет просто безумие.

И тут Владимир Путин опять высказался:

— Если у нас все будет получаться, если наши действия будут успешными, то на самом деле, как будет организована власть в высших эшелонах власти, не так уж важно. Важно, чтобы мы добивались общих целей... Мы постараемся как можно дольше сохранить это единство. А как там распределяются роли и амбиции — это дело второго плана, а не первого.

Так особую актуальность приобрел недавний анекдот. 2028-й год. Путин звонит Медведеву и говорит: "Дим, а Дим, я чего-то маленько запутался: следующий срок мой или твой?"

Отвечая на вопрос о проблемах иностранных компаний в России (имелся в виду конфликт между ТНК-ВР и ВР), Владимир Путин обнаружил удивительное владение темой. Более того, наблюдения за ТНК-ВР оказались многолетними.

— С ТНК-ВР пока ничего не произошло,— разъяснил он французским журналистам.— У них есть проблемы с их российскими партнерами. И я их предупреждал несколько лет назад о том, что такие проблемы возникнут. И дело не в том, что это ТНК-ВР. Дело в том, что несколько лет назад они создали совместное предприятие с разделением пакета акций 50 на 50. Когда они это делали, я присутствовал на подписании документов и я им сказал: не надо этого делать, договоритесь, чтобы кто-то из вас имел контрольный пакет. И мы не против, чтобы это была ВР. Мы поддержим, если это будет и российская часть вашего совместного предприятия. Но нужно, чтобы был хозяин. Они мне сказали: нет-нет, мы договоримся. Я говорю: ну договаривайтесь. Вот и результат: у них постоянно возникают трения, кто у них главный.

Несколько дней назад вице-премьер Игорь Сечин на автозаводе в Елабуге, отвечая на мой вопрос, сказал, что государство не должно вмешиваться в конфликт акционеров ТНК-ВР. И вот теперь Владимир Путин не только подтвердил то, что говорил Игорь Сечин, но и продемонстрировал, что сам он занял именно такую позицию несколько лет назад.

Журналисты задавали свои вопросы крайне аккуратно. Видимо, думая о том, чтобы не навредить тем, о ком спрашивали.

Так, прозвучал вопрос:

— Если бы президент Медведев спросил бы ваше мнение о возможном облегчении условий содержания Михаила Ходорковского или сокращении срока его заключения, что бы вы ему ответили?

Этот вопрос задавала француженка, и тоже, видимо, не случайно: они решили, что о милости мужчине должна просить женщина, так больше шансов достичь цели. К тому же вопрос был задан предельно корректно: они понимали, что Владимир Путин среагирует на любую раздражающую деталь. Похоже, эти люди разработали целую операцию.

— Я бы ответил, что это решение, которое он должен принять самостоятельно,— сказал Владимир Путин, и на мгновение показалось, что это и есть желанный карт-бланш и что уж с Дмитрием Медведевым-то договориться будет проще.

Но Владимир Путин продолжил:

— Но в любом случае мы — и когда я был президентом, и он сегодня — должны руководствоваться российским законодательством. Медведев, как и я, окончил тот же университет. У нас были хорошие учителя, которые сделали нам замечательную прививку — уважать закон. И я знаю Медведева много лет, он будет с уважением относиться к закону... Все будет зависеть от того, как будут идти предусмотренные законом процедуры.

Спецоперация французских журналистов, кажется, была близка к полному провалу.

— Условия содержания заключенного зависят от администрации,— пошел ва-банк один из них.

Зря он это сделал, если и в самом деле хотел помочь Михаилу Ходорковскому. Владимиру Путину сразу показалось, что на него тут давят.

— Да, конечно, так же как и у вас! — бросил он.— А от кого же они должны зависеть? От заключенных что ли?

— Я имею в виду, что закон разрешает улучшение условий содержания,— сопротивлялся француз.

— Ну конечно, но для этого нужно, чтобы и сами лица, содержащиеся под стражей, выполняли требования закона,— говорил премьер.

Французы, которые уже поняли, что больше на эту тему говорить не надо, уже задавали вопросы на другие темы, но Владимир Путин, оказывается, только начал.

— Вот ваш коллега вспомнил об одном из, как мы говорим, капитанов российского бизнеса (Владимиру Путину фамилия Ходорковского дается через раз.— **А. К.**). Этим людям в свое время даже отказывали во въезде в США, потому что считали связанными с мафией. Это разве не двойной стандарт? А что касается Ходорковского, дело не в том, что он ездил за границу, а в том, что они нарушили закон — многократно и грубо. За ними убийства! И не одного человека!

При этом Владимир Путин неожиданно резко вступился за Олега Дерипаску, которого тоже не пускают в США:

— Он мне не друг, не родственник, он представитель крупного российского бизнеса. У него многомиллиардные коммерческие дела во многих странах мира! Почему вы ограничиваете его при передвижении по миру?! Что он сделал?!

Владимир Путин все больше раздражался и уже не скрывал этого. Говоря о состоянии судебной системы, он заявил:

— При всех проблемах, которые там существуют, судебная система развивается и доказывает свою жизнеспособность.

— Вопрос в том,— возразили ему журналисты,— что Медведев говорил о юридическом нигилизме.

Где правда?

— Правда в том, что вы плохо слышали,— ответил премьер.— Он говорил о правовом нигилизме не в судах, а в общественном сознании.

Об иранской ядерной программе премьер снова говорил как президент. То есть он говорил так, как считал нужным. Французы сами уже давно тоже говорили с кем угодно, но только не с техническим премьером, который может уйти через год-три.

— И наконец, последнее соображение,— произнес Владимир Путин, говоря о возможности вхождения в НАТО Украины.— Мы говорим о демократии. Что такое демократия? Это власть народа, а на Украине по всем социологическим опросам почти 80% населения не хочет вступить в НАТО. А наши партнеры говорят о том, что Украина будет в НАТО. То есть что — за украинцев уже все решили что ли, а их мнение уже никого не интересует? И вы хотите сказать мне, что это демократия?

Надо сказать, что не только Владимир Путин так жестко в последнее время высказывается насчет Украины. В этом с ним мог бы посоревноваться и Дмитрий Медведев. В конце недели у президента России состоялся телефонный разговор с Виктором Ющенко, и по данным "Ъ" от украинских коллег, он был очень бурным. Когда зашла речь об указе президента Украины о выводе в 2017 году Черноморского флота из Севастополя, дело дошло до того, что российский президент сказал примерно следующее: "Раз вы вот так односторонне считаете возможным действовать, то, когда вы нам за газ задолжаете, мы вам что — газ должны вырубать сразу что ли?" Кроме того, он заявил, что такие вопросы должны решаться на референдуме.

Между тем, услышав слова про референдум и от Владимира Путина, французский журналист, самый почтенный среди трех интервьюеров, наконец-то проявил себя. Он не ударил в грязь лицом:

— В 1981 году во Франции отменили смертную казнь в то время, когда большинство населения было против отмены. Иногда нужно принимать тяжелые решения даже против мнения народа. Это политическая ответственность.

Владимир Путин задумался и ответил:

—Эта политическая ответственность может быть решена спокойно с помощью референдума: пойдите и спросите людей, хотят они этого или нет. Это не касается гуманитарной составляющей, такой как смертная казнь.

По сути, Владимир Путин не смог возразить на этот аргумент. Более того, против удовлетворительного ответа на этот вопрос была вся его деятельность на посту президента России: ни разу за последние восемь лет в России не было ни одного референдума. Владимир Путин каждый раз брал ответственность на себя.

Ближе к концу разговора Владимир Путин сказал то, что он, видимо, рано или поздно должен был сказать. Его спросили, мог бы он убедить президента Франции в том, что у Ирана нет ядерной программы, или не мог бы.

— Я не ставил перед собой в ходе встречи такую задачу,— признался Владимир Путин и тут же сделал гораздо более ценное признание.

— Я вас уверяю, президент Франции не менее информированный человек, чем президент России...— он замаялся, понимая, что эту оговорку, демонстрирующую, что в конце концов он воспринимает себя тем, кем его считают все эти люди, ему будут вспоминать еще долго, и постарался исправить положение: — Тем более бывший президент России.

Интересно только, кого он имел в виду, говоря о бывшем президенте России?

Андрей Ъ-Колесников